

ЯРЬ И НАВЬ: БЕЗДУХОВНЫЙ

Дмитрий Леонов

Ярь и Навь: Бездуховный

<https://litres.ru/74236364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Золотая Орда требует новую дань, но Русь отвечает смертельным Экзаменом.

В этом отборе у изгоя-«Бездуховного» Яромира нет шансов. Ведь у него нет Духа. Зато есть воля, яростная сила и древняя тайна, спящая в его душе. Тайна, которая заставит Орду пожалеть о том, что она вообще посмотрела в сторону Руси. Война близко. И Бездуховный готов перевернуть этот мир.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Леонов

Ярь и Навь: Бездуховный

Глава 1

Галич

1447 год

Доска тронного пола треснула. Звук был похож на выстрел из пищали.

Посол хана Сеид-Ахмеда вздрогнул и отступил на шаг, но не успел - невидимая волна давления вдавила его колени в паркет. Суставы хрустнули.

— Повтори, — тихо сказал Дмитрий Юрьевич Шемяка, даже не вставая с трона. Он смотрел на посла так, как волк смотрит на загнанного зайца. — Повтори, что там требует твой хан. Я что-то не расслышал.

Посол сглотнул, пытаясь сохранить лицо. Его пальцы вцепились в посох с набалдашником в виде крыльев ворона.

— Великий хан Сеид-Ахмед... милостив, — выдавил он сквозь зубы, сопротивляясь давлению. — Он готов простить Галичу прошлогоднюю задержку дани. Но нынче... нынче ты привезешь в Орду не только золото и меха. Хан требует триста юных Витязей. Для его личной гвардии.

В зале повисла тишина. Даже стражники у дверей замер-

ли, сжимая древки бердышей.

Шемяка медленно поднялся. Тяжелый парчовый опашень сполз с его плеч, обнажая кольчугу, покрытую рунами защиты. Князь сделал шаг вперед, и пол под его сапогом снова треснул.

— Триста Витязей, — повторил он, и в его голосе зазвучала сталь. — То есть триста носителей Яри, запечатанных в телах детей моих подданных. Чтобы хан мог поработить их души, используя свою Навь, и направить детей на отцов своих.

Посол наконец поднялся на ноги, отряхиваясь. В его глазах вспыхнула злоба.

— Такова воля Тенгри, князь. Или ты предпочитаешь, чтобы мы взяли их силой?

Воздух вокруг посла начал дрожать. Из-под его халата потянулся черный туман - концентрированная Навь, густая и липкая, как деготь.

Шемяка усмехнулся.

— Я предпочитаю, — произнес он спокойно, — чтобы вы убрались из моей Вотчины. Пока я не решил использовать ваши кости для фундамента нового моста через Волгу.

Посол замер. Его лицо исказилось, кожа пошла волнами, кости затрещали с отвратительным хрустом. Посох с громким звоном рухнул на пол. Парча разорвалась, и из нее, взмахнув кожистыми крыльями, вырвалось огромное существо. Это был не человек. Черный, размером с боевого коня,

ворон с человеческим, искаженным злобой лицом на птичьей шее. Он взвыл, роняя на доски горящую желчь, и ринулся к высокому окну.

— Не смей! — рявкнул Шемяка.

Князь не доставал оружия. Он лишь сжал кулак.

Воздух в зале схлопнулся. Невидимая волна чистой Яри ударила в птицу. Ворон взвизгнул человеческим голосом, его крылья обвисли, но в последний миг существо рассыпалось на сотни черных перьев, которые тут же вспыхнули зеленым пламенем и исчезли.

Посол сбежал. Ушел через Навь, оставив лишь смрад серы и озона.

Шемяка медленно разжал кулак. Из его носа тонкой струйкой потекла кровь. Он вытер ее тыльной стороной ладони и повернулся к своим воеводам.

— Сеид-Ахмед готовит вторжение, — сказал князь так спокойно, словно речь шла о погоде. — Он прощупывал нашу оборону. И он понял, что мы слабы.

Он подошел к столу, где лежала карта Руси, испещренная красными и черными метками.

— Объявите мобилизацию в Партизанских Вотчинах. Отмените все старые правила. Пусть Волхвы готовят «Единый Экзамен».

— Но, князь... — осмелился возразить старый боярин. — Экзамен проводится раз в четыре года! Юнцы не готовы, половина из них не переживет отбора...

— Война не спросит, готовы ли они, — отрезал Шемяка, и в его глазах вспыхнул тот же холодный огонь, что и у сбежавшего чудовища. — У вас есть месяц. А тех, кто не пройдет Экзамен... отправить в обоз. Нам нужны волки, а не щенки!

Он повернулся к окну, за которым уже начиналась метель.

Глава 2

Метель за стенами галичского терема выла, как раненый зверь. Но в Партизанской Заставе «Березняк», спрятанной в глухой тайге за триста верст от Галича, было не до воя.

Застава представляла собой укрепленный частокол из толстых бревен, за которым плотно лепились деревянные срубы. Здесь пахло дымом, хвоей и вареной пшеникой. И именно здесь, на центральной площади, двенадцатилетние ребяташки устроили самую настоящую войну.

— Получай, Бездуховный, — крикнул Васька, замахиваясь.

Васька был самым старшим в шайке. Он сжал комок снега так сильно, что вложил в него капельку своей детской Яри. Снежок стал твердым, как камень, и со свистом влетел в лицо Яромиру.

Яромир шлепнулся плашмя. Огромная вязанка хвороста, которую он тащил на себе, с грохотом рассыпалась по снегу. Парень медленно обернулся. На его щеке краснел след от удара.

— Ах ты ж гад, — взревел Яромир, закатал рукава потертого кафтана и ринулся с кулаками на обидчиков.

Он влетел в Ваську, пыхча от ярости. Удар пришелся в живот, Васька охнул и бахнулся в сугроб. Но тут же на Яромире повисли трое Васькиных друзей.

— Бей его! Он же без Духа, он слабый, — взброс визжали они.

Хулиганы повалили его в снег, начали бить кулаками и засыпать лицо холодным, рыхлым снегом. Яромир отбивался, рычал, но один из них удачно попал ему коленом в бок, отчего Яромир вдохнул целую горсть снега и поперхнулся им.

— Эй, вы чего творите?

На площадь вышел Ратибор. Он был одет в чистый опашень, который явно шила ему мать, а в руках он держал деревянный меч. Ратибор с детства читал книги о древних богатырях и старался вести себя «как настоящий Витязь».

Он увидел, как четверо мальчишек валят одного. Ратибор не стал читать нотации. Он просто сжал челюсти, перехватил деревянный меч обеими руками и ринулся в самую гущу драки.

— Отпустите его, трусы, — рявкнул Ратибор.

Он со всего размаху ударил деревяшкой по спине одного из обидчиков. Тот взвыл и откатился в сторону. Васька тут же запустил в Ратибора ледяным снарядом. Снежок попал Ратибору прямо в переносицу.

Ратибор даже не моргнул. Он вгрызся в драку, размахивая мечом и работая локтями. Он был не таким крепким, как Яромир, но дрался отчаянно, подставляясь под удары, лишь бы не дать соперникам продоху.

— Не честно кидаться толпой на одного, — крикнул он.
— Настоящий Витязь так не поступает!

В этот же момент Ратибор получил еще один снежок, заряженный Ярью, прямо в ухо.

— Да пошел ты, княжеский сынок, — орал Васька. — Сейчас мы вас обоих...

— А ну быстро прекратили, — раздался испуганный девчачий голос.

На площадь выбежала девочка с длинной рыжей косой. Она влетела в кучу малу, схватила одного из толпы за шиворот и со всей силы дернула на себя.

— Забава, отойди, а то и ты сейчас получишь, — крикнул один из задир.

— Я кому сказала, разойтись? — взвизгнула она, пытаюсь растащить их руками, но ребята были слишком увлечены дракой и лишь отмахнулись от нее. — Вы что, хотите, чтобы вас на губу отправили?

Драка кипела. Яромир и Ратибор, плечом к плечу, отбивались от наседающей толпы. Опашень Ратибора порвался и насквозь промок. Хворост, который тащил Яромир, был раскидан по всей площади.

— Эх, молодежь... — раздался над площадью тяжелый, усталый вздох.

Звук был негромким, но почему-то перекрыл шум борьбы.

Дерущиеся замерли. Васька, который как раз замахнулся кулаком на Ратибора, медленно опустил руку.

На краю площади, лениво перелистывая берестяную гра-

моту, стоял Савватий. Его монашеская ряса была поверх легкой кольчуги, а на поясе болтался скрамасакс. Из-под резной деревянной маски, скрывавшей верхнюю половину лица, смотрели спокойные, слегка сонные глаза.

— Дядька Савватий... — пискнул Васька, делая шаг назад.

— Я, кажется, просил вас не шуметь под окнами лазарета, — произнес наставник ровным, почти скучающим голосом. — Волхвам нужен покой. А вы тут устроили кулачный бой.

— Мы... мы просто тренировались, — выпалил Васька, пряча за спину красные от мороза кулаки. — По приказу старосты!

— Ага. Тренировались бить лежачего. Отличная тактика для ордынского баскака, — Савватий свернул бересту. — У вас есть три секунды, чтобы исчезнуть с моих глаз. Раз.

Хулиганы не стали ждать счета «два». Васька и его шайка рванули с площади так быстро, что только снег из-под валеков полетел.

— Мы еще пожалуемся своим старшим, — донесся из-за угла испуганный крик Васьки. — Запомните это, Бездуховный и княжеский выскочка!

— Давай-давай, беги, пока штаны не отмерзли, — крикнул ему вслед Яромир, угрожающе подняв кулак.

На площади повисла тишина.

Савватий медленно перевел взгляд на Ратибора. Тот стоял, гордо выпрямив спину, несмотря на то, что его опашень был порван на плече, деревянный меч сломан, а из носа тек-

ла кровь.

— Забава, — позвал наставник, не повышая голоса.

Девочка тут же подбежала, стараясь не смотреть на его маску.

— Отведи Ратьку в лазарет. Пусть волхвы посмотрят его нос и уши. И заодно зашей ему опашень, а то мать опять будет ругаться, что он дерется в хорошей одежде.

— Я не пойду в лазарет, — возмутился Ратибор, вытирая нос рукавом. — Я защищал честь. Настоящий Витязь не прячет раны!

— Настоящий Витязь, — лениво перебил его Савватий, — не позволяет себе безрассудно кидаться в толпу. Иди, Ратибор. Это приказ.

Ратибор насупился, но спорить с наставником не решился. Он бросил на Яромира короткий взгляд, в котором читалось немое «мы еще поговорим», и, хромая, поплелся за Забавой. Девочка тут же подхватила его под руку, попутно отчитывая за то, что он порвал рукав.

Савватий проводил их взглядом, а потом повернулся к Яромиру. Тот уже собирал рассыпанные ветки, кривясь от боли в ребрах. Савватий подошел и легко взял всю связку хвороста.

— Идем, — бросил он. — Пойдем вместе.

Яромир удивленно посмотрел на него. Савватий никогда не помогал ему. Обычно он просто проходил мимо, уткнувшись в свои грамоты.

Они пошли по утоптанной тропе между срубами к землянке у стены заставы, в которой жил Яромир. Вечерело, мороз крепчал. Долгое время они шли молча, слыша только хруст снега под ногами и собственное дыхание.

— Ты хорошо дрался, Ярка, — наконец нарушил молчание Савватий. — Удар у тебя тяжелый. Но ты дерешься как уличный пес, а не как Витязь.

Яромир нахмурился, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение.

— У меня нет Духа, дядька Савватий, — буркнул он, глядя под ноги. — Мне приходится драться так. У меня нет ни когтей, ни клыков. Только кулаки.

— Дух - это не только клыки и когти, — спокойно ответил наставник. — Это воля. А воля у тебя есть. Я видел, как ты стоял перед Васькой. Ты не отступил. Это главное. Но грубая сила без техники - это просто трата Яри. Ты выдохнешься и станешь легкой мишенью.

Яромир промолчал. Он знал, что наставник прав. В драке он быстро уставал и его брали измором.

— У тебя через год Единый Экзамен, — вдруг сказал Савватий, и в его голосе появились жесткие нотки. — Ты собираешься туда идти?

Яромир поднял голову.

— А куда мне еще идти? — сказал он. — Я не буду гнить в обозе. Я стану Витязем, даже если мне придется на экзамене голыми руками биться с Одухотворенными.

Савватий остановился. Он повернул к Яромиру голову, и даже сквозь прорези деревянной маски было видно, как блеснули его глаза.

— Голыми руками биться с Одухотворенными - это плохой план, — сказал он. — Но настрой мне нравится.

Он снова тронулся с места.

— Завтра в шесть утра приходи на заднюю поляну. Буду ждать тебя у пня. Не опаздывай. И захвати с собой этот хворост.

Савватий передал вязанку Яромиру, тот замер, не понимая.

— Хворост? Зачем?

— Будем учиться бить так, чтобы не выдохаться к третьему удару, — Савватий бросил на него короткий взгляд, — А если опоздаешь хоть на минуту - я позабочусь, чтобы на экзамен ты не попал. Понял?

У Яромира перехватило дыхание. Мороз вдруг показался не таким страшным, как эти слова. Не попасть на экзамен... Это означало остаться «Бездуховным» навсегда. Остаться в обозе. Остаться никем.

Он посмотрел в темные прорези деревянной маски. Савватий не шутил. В его голосе не было угрозы, только спокойная, холодная уверенность человека, который может исполнить обещанное.

— Понял, — выдохнул Яромир, крепче прижимая к груди вязанку. — Я буду там.

Наставник кивнул, развернулся и пошел прочь. Его фигура быстро растворилась в белой пелене снега, оставив за собой лишь легкие следы.

Яромир остался стоять один посреди улицы. В боку ныло, нос распух, пальцы на руках окоченели до боли. Но ему вдруг стало совершенно не холодно.

Завтра в шесть утра.

Глава 3

Яромир пришел на заднюю поляну ровно в назначенное время.

Ребра ныли после вчерашней драки. Он топтался у гигантского, вывороченного, покрытого инеем пня, перекладывая вязанку хвороста с ноги на ногу. Мороз стоял такой, что воздух обжигал легкие.

Савватий опаздывал.

Яромир уже начал злиться, ругая про себя наставника, но вскоре из-за деревьев неспешно вышел сам Савватий. Он выглядел так, будто только что проснулся: монашеская ряса застегнута накриво, деревянная маска чуть сбилась набок, а в руке он держал не берестяную грамоту, а черствый сухарь, который лениво обгрызал.

— Ты рано, — произнес Савватий. — Или я поздно. В любом случае, мороз полезен для кровообращения. Иди сюда.

Яромир подошел к Савватию, стараясь не хромать.

— Возьми одну ветку, — скомандовал наставник, указывая на вязанку. — Самую тонкую.

Яромир вытащил березовый прутик толщиной с мизинец.

— А теперь вложи в него Ярь и сломай.

Яромир пожал плечами. Он сжал прутик в кулаке, напряг мышцы, и с сухим хрустом переломил его пополам.

— Готово, — сказал он, разжимая пальцы.

Савватий остановился жевать. Из-под прорезей маски на Яромира смотрели скучающие глаза.

— Я сказал вложить Ярь, Яромир. А не просто сломать ветку пальцами. Мышцы — это мясо. Ярь — это то, что двигает мясо. Ты что, думаешь, ордынский нукер будет стоять и ждать, пока ты его саблю руками переломишь? Повтори. Но на этот раз используй силу.

Яромир нахмурился. Он взял новый прутик. Что значит «использовать силу»? Он и так сжал его со всей мочи. Он закрыл глаза, пытаясь вспомнить то чувство, когда влетел в Ваську. Горячий импульс в груди, напряжение в руках. Он направил это чувство в кулак.

Прутик в его руке нагрелся. Стал горячим, как свежий уголек в кузнице. Воздух вокруг кулака исказился от жара. Яромир разжал пальцы. На ладони лежала горстка серого пепла. Ветку даже не пришлось ломать — она просто сгорела дотла от его прикосновения. Кожа на ладони покраснела.

— Вот, — Яромир сдул пепел, морщась от ожога. — Получилось.

— Нет, — отрезал Савватий. — Не получилось. Ты потратил слишком много Яри, чтобы сломать ветку толщиной в палец. Это как вылить бочку, чтобы наполнить кружку. Глупо и расточительно. К тому же, посмотри на свои ладони. Если бы это был меч врага, ты бы сжег свои собственные руки до костей.

Савватий подошел ближе, и от него пахло гвоздикой,

спиртом и старой кожей.

— У других юнцов есть Духи. Дух - это фильтр. Он берет твою грубую Ярь и пропускает через себя, делая ее тонкой, управляемой. У тебя фильтра нет. Ты как кузнец, который бьет по металлу кувалдой, когда нужно работать молоточком. Тебе нужно научиться чувствовать Ярь внутри себя и дозировать ее. Без помощи Духа.

— А как это сделать? — в голосе Яромира прорвалось отчаяние. — Я не чувствую никакого фильтра. Я просто чувствую, что внутри что-то сильно кипит.

— Это потому что ты пытаешься выпустить всё сразу, — спокойно парировал Савватий. — Перестань думать о силе. Думай о потоке. Ярь — это не огонь. Это кровь. Это жизнь. Она течет по венам. Найди этот поток. Направь его в руку. Не дави. Просто позволь ему течь в ветку.

Яромир взял третий прутик.

«Не дави. Просто позволь течь», - повторял он про себя.

Он закрыл глаза. Убрал из головы мысли о Ваське, о драке, о том, что он Бездуховный. Он сосредоточился на своем теле. На дыхании. На том, как кровь стучит в висках. Он представил, как этот стук спускается по плечу, проходит через локоть, вливается в запястье и кончиками пальцев уходит в березовую кору.

Прутик стал тяжелым. Не горячим, а именно тяжелым, словно налитым свинцом. Дерево начало тихо шипеть, выпуская тонкие струйки пара в морозный воздух.

Яромир открыл глаза. Ветка в его руке стала черной, как обугленное дерево, и пульсировала под его пальцами в такт сердцебиению. Он медленно сжал пальцы.

Раздался четкий и сухой хруст. Ветка сломалась ровно пополам. В этот раз она не рассыпалась в пепел. Она просто переломилась, оставив на срезе гладкую, обожженную древесину.

Яромир выдохнул. У него слегка кружилась голова, но в груди разлилось странное, теплое удовлетворение.

— Уже лучше, — произнес Савватий. В его голосе не было эмоций, но Яромиру показалось, что наставник чуть кивнул. — Ты нашел поток. Теперь запомни это ощущение.

Савватий пнул ногой вязанку хвороста. Все ветки с шорохом рассыпались по снегу.

— А теперь собери их все. И поломай каждую. И если хоть одна превратится в пепел, собираешь новую связку и начинаешь заново. У тебя есть год до Экзамена, Яромир. Год — это много. Но только если ты будешь работать.

В этот момент из-за частокола заставы раздался резкий, отрывистый свист рожка.

Савватий мгновенно обернулся. Его расслабленная поза исчезла, рука легла на рукоять скрамасакса.

По снегу бежал молодой дружинник. Он влетел на поляну и замер перед наставником, вытянувшись в струнку.

— Дядька Савватий! — выдохнул он, хватая ртом ледяной воздух. — Староста требует. Срочно. В приказную избу.

— Что случилось? — голос наставника стал жестким, совсем не сонным.

— Гонцы из Галича, дядька. Только что прискакали. Лошадей загнали. Приказ от самого князя Шемяки.

Савватий медленно опустил руку с рукояти ножа. Он посмотрел на Яромира, потом на рассыпанный по снегу хвост.

— Понял, — тихо сказал наставник. — Иди. Скажи старосте, я буду через минуту.

Дружинник развернулся и побежал обратно.

Савватий медленно выдохнул. Пар густыми клубами повалил из-под прорезей маски. Он посмотрел на Яромира. Тот стоял, настороженно втянув голову в плечи.

— Дядька Савватий, — тихо спросил Яромир. — Что-то случилось?

— Случилось то, что ты отвлекся, — ровно ответил наставник, не повышая голоса. В его тоне не было ни тревоги, ни спешки, только привычная строгость. — А Витязь не должен отвлекаться.

Савватий перевел взгляд на старую, засохшую сосну на краю поляны. Наставник просто поднял руку, сжал пальцы в кулак, и в морозном воздухе раздался короткий, оглушительный треск. Толстый, просмоленный комель, толщиной с человеческое бедро, с грохотом отломился от ствола и тяжело рухнул в снег прямо перед учеником.

— Прежде чем я уйду, — тихо сказал Савватий, — раз-

руби полено. Этим.

Он поднял с земли тонкий березовый прутик и швырнул его Яромиру под ноги.

Яромир опешил, глядя на прутик.

— Дядька Савватий, это ветка. Она сломается об корень.

— Ветка сломается, если ты будешь бить мышцами, — перебил наставник. — И сгорит в пепел, если ты выплеснешь всю Ярь. Твоя задача - уплотнить поток. Сделать ветку тверже стали.

Он шагнул ближе.

— Я ушел на встречу. Ты будешь бить полено, пока я не вернусь. Не смей останавливаться. Понял?

— Понял, — кивнул Яромир.

— Бей, — бросил Савватий и быстро зашагал к центру заставы. Его темная фигура скоро скрылась за бревнами частокола.

Яромир остался стоять один посреди поляны. Вокруг лежал рассыпанный хворост и тяжелое, неподатливое полено. Он медленно наклонился и поднял тонкий прутик. Он казался жалкой насмешкой над толстым комелем.

Яромир глубоко вдохнул морозный воздух. Закрыв глаза. Нашел тот самый стук в висках. Потянул его вниз, в руку, сжимая поток, заставляя Ярь вибрировать и уплотняться.

Прутик почернел, стал ледяным и невероятно тяжелым. Воздух вокруг него тихо загудел.

Размах. Удар. Звук был глухим. Яромир открыл глаза.

Прутик рассыпался в пепел прямо в его руке, а на полене осталась лишь тонкая, едва заметная черная полоса.

Яромир выругался, вытер пот со лба и схватил следующую ветку. Сжал. Удар. Ветка сломалась, даже не поцарапав кору.

Он выругался снова, но не остановился. Поднял третью. Четвертую.

Он решил, что будет бить, пока не рассечет его. Или пока не упадет замертво.

Глава 4

Савватий вошел в приказную избу без стука.

Внутри было душно, пахло дымом, сырой овчиной и чем-то кислым — квашеной капустой из бочки в углу. За массивным дубовым столом, сколоченным из целых плах, сидел глава заставы Благодей. Ему было за пятьдесят, на лице красовалась седая борода лопатой. На плечах, не смотря на жару в избе, лежала тяжелая шуба, распахнутая на груди. Перед ним была развернута карта с красными пометками.

По правую руку от Благодея сидел Велемир - отец Забавы. Высокий, широкоплечий, он казался слишком большим для грубой деревянной лавки. Через все его лицо, от левого виска до правой скулы, шел глубокий, белесый шрам, из-за которого его левый глаз всегда был слегка прищурен. Велемир молчал, сложив руки на груди, и смотрел в угол. Он был главой отряда допросов заставы - человеком, к которому приводили тех, кого брали живыми.

Напротив, у окна, стояли двое.

Радимир - высокий, жилистый мужчина лет сорока. На нем не было ни кольчуги, ни даже стеганого поддоспешника - только льняная рубаха и портки. Его руки были покрыты старыми шрамами и мозолями, а на поясе не висело ни одного клинка. Радимир был уникальным явлением на заставе: у него не было Духа. И, что было еще невероятнее, в нем не

было ни капли Яри. Он не мог провести ни одного Обряда. Он полагался исключительно на свои мускулы, на чистую, грубую физическую силу, доведенную до абсолютного предела. И именно поэтому его боялись больше, чем кого-либо на заставе.

Рядом с ним, прислонившись к косяку, стоял Святотар. Он курил длинную глиняную трубку, выпуская дым в приоткрытое окно. На поясе у него висели два коротких, слегка изогнутых клинка-засапожника в потертых ножнах. Святотар выглядел так, будто зашел сюда случайно, по дороге в баню, но Савватий знал: этот человек мог убить троих, не вынимая трубки изо рта.

— Опоздал, — хмыкнул Благодей, не поднимая головы от карты.

— Был на поляне. Учил юнца, — Савватий закрыл за собой дверь. — Что случилось?

Благодей наконец поднял глаза. Они были тяжелыми, уставшими.

— Садись.

Савватий опустился на лавку рядом с Велемиром. Тот даже не повернул головы.

— Утром прискакали гонцы от Шемяки, — начал Благодей, опустив ладонь на карту. — Двое. Лошадей загнали на смерть. Везут приказ с черной печатью.

Он сдвинул в сторону свиток с восковой печатью. Савватий не стал его разворачивать — он знал, что там написано,

еще до того, как увидел печать.

— Экзамен? — спросил он.

— Его перенесли, — отрезал Благодей. — Он будет через месяц. Не через год.

В избе повисла тишина. Даже Святозар перестал дымить трубкой.

— Месяц? — Радимир подал голос впервые. Голос у него был низкий, спокойный. — Дети не готовы. Половина из них даже не прошла Обряд Связи.

— Шемяка торопится, — Святозар выдохнул струю дыма. — Хан Сеид-Ахмед в ярости после отказа. Наши лазутчики донесли: орды начинают сбор. Три тумена уже двинулись к границам. Это не набег как обычно. Это карательный поход.

Савватий медленно провел рукой по лицу, задев край деревянной маски.

— Месяц, — повторил он. — У меня есть один юнец. Бездуховный. Я начал с ним работать сегодня утром.

— Бездуховных в обоз, — буркнул Благодей. — Нам нужны бойцы с Духами. Волки, медведи, соколы. Те, кто может рвать глотки.

Радимир медленно повернул голову. Его взгляд был спокойным, но в нем вспыхнуло что-то холодное.

— Повтори, что ты сказал, Благодей.

Глава заставы осекся. Он поднял руки в примирительном жесте.

— Прости, Радимир. Я не хотел.

— Ты хотел, — ровным голосом сказал Радимир. — Ты всегда это думаешь. Бездуховный - значит, слабый. Значит, в обоз. Значит, пушечное мясо.

Он шагнул к столу. Никакой ауры, никакого свечения Яри. Только тяжелый, глухой удар его босой пятки об пол. Его огромная, покрытая мозолями рука легла на карту.

— У меня нет Духа. И Яри во мне нет, Благодей. Ни капли магии. Только мясо, кости и мышцы. И я убил больше ордынцев, чем ты видел в своей жизни. Юнец, с которым работает Савватий - если у него есть воля, он будет драться. А воля - это не магия. Волю не дают на Обряде Связи.

Благодей тяжело вздохнул.

— Знаю. Прости. Я устал.

Он потер виски.

— Слушайте все. Месяц - это не срок. За месяц мы не воспитаем Витязей. За месяц мы можем только научить их не умирать в первой же схватке. Экзамен станет жестоким отбором. Пройдут лишь сильнейшие. Радимир, ты берешь на себя физическую подготовку всех юнцов. Святозар - работа с клинком и основы Яри ветра для старших. Савватий - ты проведешь Обряд Связи с теми, кто еще не нашел Духа. Велемир...

Все посмотрели на отца Забавы. Тот все так же смотрел в угол.

— Велемир? — повторил Благодей.

Велемир не ответил. Он медленно поднялся со скамьи, и

его огромная фигура заслонила свет из окна. Его здоровый глаз был прищурен, а шрам на лице, казалось, стал белее.

— Что-то не так? — спросил Святозар, убирая трубку.

— В избе кто-то есть, — тихо произнес Велемир. Голос у него был глухой, как будто из-под земли. — Не из наших.

Савватий мгновенно напрягся. Рука легла на рукоять скрамасакса. Радимир не сдвинулся с места, но его мышцы напряглись, как тетива.

— Где? — коротко спросил Благодей.

Велемир не ответил. Он сделал два шага к печи, стоявшей в углу избы. Огромная, беленая, она занимала полстены. Велемир остановился перед ней, вытянул руку и прижал ладонь к теплой глине.

— Здесь, — сказал он. — За печью. В тени.

Тишина.

— Навь, — тихо сказал Савватий, и его голос прозвучал жестко. — Слышу. Тонкая, но есть.

— Выходи, — сказал Велемир. Не громко. Не угрожающе. — Или я вытащу тебя сам.

Ничего не произошло.

Тогда Велемир ударил. Его огромный кулак пробил глиняную стенку печи, как если бы это было гнилое дерево. Раздался треск, посыпались осколки, и из дыры вывалился клуб черного, вязкого дыма. Дым ударил Велемира в лицо, но тот даже не моргнул. Он просто сжал пальцы в дыму, что-то схватил и выдернул наружу.

На полу избы, корчась и шипя, лежал человек.

Он был одет в серую, неприметную одежду, какую носят странники. Но его лицо было неправильным. Черты плыли, словно воск на огне, меняясь каждую секунду. Обряд Маскировки. Ордынская школа.

— Шпион, — констатировал Святозар, доставая из-за пояса один из клинков. Лезвие тихо засветилось бледно-зеленым - он вложил в него Ярь.

Шпион зашипел, пытаясь отползти к двери. Его рот открылся, и он начал что-то бормотать на чужом, гортанном языке - Савватий узнал язык степняков. Заклинание. Он пытался активировать Обряд.

Велемир наступил ему на грудь. Не сильно. Просто поставил ногу, и шпион захлебнулся своим заклинанием.

— Не надо, — сказал Велемир. Он наклонился и одной рукой поднял шпиона за воротник. — Пойдем. Поговорим.

Шпион задергался, пытаясь укунить его за руку. Велемир коротко ударил его ребром ладони в висок. Шпион обмяк, но не потерял сознание — Велемир знал, куда бить.

Глава заставы смотрел на это с мрачным удовлетворением.

— Что он здесь делал? — спросил Благодей.

— Слушал, — коротко ответил Велемир. — Давно. С самого начала собрания.

Он поволок шпиона к двери. У порога остановился и повернул голову. Шрам на его лице белел в полумраке.

— К утру я узнаю, кто его послал и что он успел передать, — сказал Велемир. — Не ждите меня к ужину.

Дверь за ним закрылась. В избе снова повисла тишина, но теперь она была другой - тяжелой, давящей.

— Проклятье, — выдохнул Благодей, проводя ладонью по лицу. — Они уже здесь. Они знают о сроках.

— Они знают всё, — поправил его Святозар, выбивая пепел из трубки. — Вопрос лишь в том, сколько еще шпионов сидит у нас под носом.

Радимир подошел к пробитой печи и посмотрел в дыру. Внутри, на саже, виднелись следы пальцев.

— Навь ордынская, — сказал он. — Высокого уровня. Этот был не из простых лазутчиков.

— Значит, хан знает, что мы собираемся в Чертовом Городке, — Савватий поднялся. — И он либо перехватит нас по дороге, либо ударит по Городку, пока мы там соберемся. Благодей медленно кивнул.

— Именно поэтому Шемяка и торопится. Он хочет провести Экзамен и собрать всех до того, как Орда нанесет удар. У нас месяц, братья. Один месяц.

Он обвел взглядом собравшихся.

— Готовьте детей. Готовьте себя. Готовьте жен и стариков. Скоро мы либо встанем стеной, либо ляжем в землю. Другого не дано.

Савватий кивнул и повернулся к двери.

Он толкнул тяжелую дубовую створку и шагнул в мороз-

ный вечер. Ветер ударил в лицо, сбивая дыхание.

Наставник постоял минуту, глядя на тропу, ведущую к задней поляне. Яромир все еще должен был быть там.

Месяц. У парня не было Духа, не было времени, и не было права на ошибку. Обычные методы здесь не сработают.

Савватий медленно поднял руку и полез под рясу. Его пальцы нащупали холодный, тяжелый металл. Он вытащил старый, почерневший от времени железный ключ.

Наставник посмотрел на него, и даже сквозь прорези деревянной маски было видно, как напряглись его скулы. Он не брал этот ключ в руки уже двенадцать лет.

Савватий сжал ключ в кулаке, так что металл врезался в ладонь, и развернулся. Он пошел не к поляне. Он пошел к старой, заколоченной башне на самом краю заставы, куда даже староста боялся заглядывать.

Глава 5

Снег летел Ратибору в лицо с завидной регулярностью - он в третий раз замахивался на вкопанный в сугроб столб, в третий раз промахивался мимо воображаемого противника и получал по носу отдачей от собственного удара, отражённого от мёрзлого дерева.

— Да чтоб тебя, — прошипел он, тряся ушибленной рукой.

— Ты бьёшь так, будто ствол тебя чем-то обидел лично, — заметила Забава, не поднимая глаз от рукавицы, которую штопала, пристроившись на перевёрнутом бочонке у частокола. — Может, хватит на сегодня? У тебя нос только-только меньше пухнуть стал.

— Дядька Радимир говорит, повторение - мать учения, — с достоинством отозвался Ратибор, снова поднимая меч.

— Дядька Радимир тебя не видит. Он сейчас, наверное, где-то ужинает, а не любит, как ты калечишь себя об столб.

Ратибор на мгновение задумался над этим доводом, но упрямства ему было не занимать, он снова примерился и рубанул. На этот раз меч соскользнул вбок, чиркнув по обледенелой коре, и деревяшка со стуком отлетела в сугроб.

— Восемь, — обречённо констатировала Забава, не отрываясь от шитья.

— Что восемь?

— Раз, когда ты его уронил за сегодня. Я считаю.

Ратибор насупился, полез за мечом в снег и замер на полпути, услышав со стороны приказной избы шум: чьи-то то-ропливые шаги, сдавленный вскрик, глухой удар.

Забава тоже подняла голову.

Из-за угла избы показался Велемир.

Он волок за шиворот человека в серой, невзрачной одежде - тот еле переставлял ноги, голова моталась из стороны в сторону, а лицо подрагивало и плыло, будто не могло решить, каким ему быть.

Забава вскочила, забыв про рукавицу, та беззвучно свалилась в снег.

— Отец?

Велемир остановился. Здоровый глаз скользнул по дочери, задержался на Ратиборе, который так и застыл на четвереньках возле сугроба с мечом в руке.

— Не сейчас, — коротко бросил он и рванул шпиона дальше.

Но Забава уже не могла просто отпустить его так.

— Отец, что случилось? Кто это?

Велемир на секунду замер. Шрам на его лице белел в сумерках. Он явно спешил, и всё же что-то заставило его обернуться.

— Шпион, — бросил он глухо. — Экзамен переносят. Через месяц, не через год. Орда идёт раньше срока.

Ратибор, наконец поднявшийся на ноги, ахнул, но Велемир не обратил на это внимания.

— Слышала?

— Слышала, — выдохнула Забава.

— Тогда беги, — Велемир снова дёрнул шпиона за шиворот, тот застонал что-то невнятное на чужом языке. — Найди Бездуховного. Скажи ему первому. У него меньше всех времени в запасе - и меньше всех, кто о нём вспомнит.

Он не стал ждать ответа. Развернулся и потащил пленника прочь, в темноту между срубами.

Забава и Ратибор остались стоять посреди тропы.

— Экзамен через месяц, — медленно повторил Ратибор, всё ещё сжимая в руке подобранный меч. — Забава, это совсем не то, что нам говорили ещё вчера.

— И Ярка ничего не знает, — Забава уже вертела головой по сторонам, будто надеялась увидеть его прямо сейчас. — Пойдём к его землянке. Может, он там.

Они побежали мимо коновязи, мимо срубов, из которых уже начинали выглядывать встревоженные лица. Землянка Яромира встретила их темнотой: ни дымка над трубой, ни свежего следа у двери.

— Пусто, — Ратибор заглянул внутрь на всякий случай. — Куда он мог деться?

Забава прикусила губу, соображая. Она понятия не имела, куда Савватий увёл Яромира ещё утром.

— Может, кто видел, — сказала она наконец. — Спросим.

Они кинулись обратно к центру заставы, останавливая на бегу всех подряд - дружинника, тащившего вязанку копий, двух женщин у колодца, мальчишку с ведром помоев. Дружинник только пожал плечами. Женщины ничего не знали. А вот мальчишка, подумав, почесал нос и сказал, что вроде видел утром, как Бездуховный тащился куда-то за частокол, «в сторону леса».

— За частокол, — повторил Ратибор. — Там же ничего нет, кроме...

— Задней поляны, — закончила Забава. — Может, там. Уверенности не было - только слабая ниточка, за которую стоило потянуть. Больше зацепок у них не осталось.

Они снова побежали, теперь уже к дальним воротам, туда, где частокол заканчивался и начиналась узкая тропа в сосняк. Ратибор на бегу морщился — отбитые вчера ребра давали о себе знать, но он не отставал.

Тропа нырнула в лес, и шум заставы позади постепенно стих. Забава уже начала думать, что мальчишка ошибся, что они бегут совсем не туда, как вдруг сквозь тишину донёсся звук.

Глухой, ровный, повторяющийся: удар, треск, снова удар. Она остановилась, вслушиваясь. Ратибор замер рядом, тоже прислушиваясь, а потом медленно расплылся в облегчённой улыбке.

— Кто-то там колотит по дереву так, будто хочет его убить, — сказал он. — Готов спорить, это Ярка.

Забава ничего не ответила. Она просто шагнула вперёд, туда, где за деревьями уже брезжил просвет поляны.

Глава 6

Ночь брала бразды правления над поляной. Солнце заходило за горизонт. Снег на поляне казался похожим на клубничный кисель.

Яромир уже не чувствовал холода. Он не чувствовал ничего, кроме жжения в плечах и тошноты, подкатывающей к горлу.

Удар.

Прутик в его руке вспыхнул и рассыпался пеплом.

Яромир выдохнул, сплевывая на снег кровавую слюну. Его правая рука была обмотана грязной тряпкой, но кровь проступила сквозь ткань, замерзая твердой коркой.

Удар.

Ветка просто хрустнула, даже не задев дерева.

Яромир зарычал, отшвырнул обугленный остаток и, забыв про задание, замахнулся голым кулаком. Он хотел просто ударить. Просто вложить всю свою ярость, всю обиду, всю боль в этот проклятый комель.

Его кулак остановился в дюйме от коры.

Его перехватили.

Пальцы, сжавшие запястье Яромира, были огромными, горячими и твердыми, как тиски. Жар от этой руки был таким сильным, что Яромир почувствовал, как отступает мороз.

— Мышцы - это мясо, — раздался низкий, спокойный голос. — А мясо горит.

Яромир обернулся. Рядом стоял Радимир. В одной льняной рубаше, босиком на снегу, он выглядел так, будто только что вышел из бани. От его тела в морозный воздух поднимался легкий пар.

— Дядька Радимир, — прохрипел Яромир, пытаясь выдернуть руку, но пальцы воина не шелохнулись.

— Ты пытаешься пропустить Ярь через плоть, — Радимир разжал пальцы, отпуская его. — Ты толкаешь энергию в кожу, в сухожилия. Они не выдерживают. У нормальных юнцов есть Дух. Дух принимает удар, фильтрует его и направляет. У нас с тобой Духа нет.

Радимир шагнул к полену.

— Но у нас есть скелет, — сказал он. — Кость - это твой единственный проводник. Твой фильтр.

Он протянул свою огромную руку и прижал пальцы Яромира к своему предплечью. Под тонкой кожей воина не было мягкости. Яромир почувствовал, что под пальцами у него не просто кость, а монолитная, невероятно плотная структура. Она вибрировала, как натянутая струна.

— Не дави Ярь в мясо, — тихо сказал Радимир. — Вгоняй её в кость. Пусть горит надкостница, пусть ломится череп, пусть трещат пальцы. Кость не сгорит в пепел. Кость выдержит.

Яромир посмотрел на свою окровавленную руку.

— Это будет больно, — добавил Радимир.

Он наклонился и поднял с снега новый березовый прутик. Не стал замахиваться. Просто сделал глубокий вдох.

Никакого свечения. Никакой магии. Но кожа на его руке на секунду стала серой, как камень. Вены вздулись, превратившись в стальные тросы.

Радимир небрежно, почти лениво ударил прутиком по плечу.

БАМ.

Звук был таким, будто в дерево вбили огромный железный клин. От комеля отлетела огромная, тяжелая щепка, взметнув фонтан снежной пыли.

Радимир разжал пальцы. Прутик упал в снег. Он был цел. Лишь слегка дымился на срезе.

— Не сдохни до утра, пацан, — бросил Радимир, разворачиваясь. — Завтра начнется настоящая работа.

Он ушел в темноту леса так же бесшумно, как и появился.

Яромир остался один. Он смотрел на отколотую щепку, потом на свои дрожащие, изуродованные руки.

Вгоняй в кость.

Он наклонился и поднял прутик. Закрыв глаза.

Он нашел тот самый стук в висках. Потянул его вниз, в руку. Но на этот раз он не остановился на мышцах. Он протолкнул поток глубже. Сквозь кожу, сквозь мякоть, вгоняя его прямо в твердую, ноющую фалангу пальца.

Боль была резкой, тошнотворной. Такой, будто ему в па-

лец забили раскаленный гвоздь. Яромир стиснул зубы так, что заскрипела эмаль.

Но прутик не сгорел.

Он стал тяжелым. Невероятно, невозможным тяжелым. Холодным, как кусок льда, и плотным, как свинец. Воздух вокруг него тихо загудел.

Яромир открыл глаза. Размахнулся.

БАМ.

От полена отлетела еще одна щепка. Прутик в его руке лишь слегка треснул.

Яромир тяжело дышал, пар валил из ноздрей. Рука ныла адской, пульсирующей болью, но он сжимал прутик все крепче.

Хруст снега за спиной заставил его обернуться.

Из темноты леса, тяжело дыша и отряхиваясь от снега, вышли Ратибор и Забава. Они замерли на краю поляны, глядя на Яромира, на его окровавленные руки и на полено, от которого уже отлетели две огромные щепки.

Яромир сделал шаг к ним, разжимая пальцы. Он хотел сказать, что справился.

Но в этот момент боль в руке вспыхнула с новой силой, отдавая раскаленным гвоздем прямо в мозг. Темнота резко подступила к глазам.

Прутик выскользнул из пальцев. Яромир рухнул в снег, не успев даже вскрикнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.